

Летописное сообщение 1136 г. и становление новгородской независимости

**Петр Сергеевич
Стефанович**

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Институт российской истории РАН,
Москва, Россия

The Chronicle Entry of 1136 and the Formation of the Novgorod Sovereignty

Petr S. Stefanovich

HSE University,
Institute of Russian History of the
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

Автор статьи подробно анализирует сообщение Новгородской 1-й летописи 1136 г. В летописи описывается, как новгородцы, собравшись на вече, изгнали князя Всеволода, брата тогдашнего киевского князя, и пригласили князя Святослава из конкурирующего клана черниговских Рюриковичей. Автор приходит к выводу, что летописное сообщение писали два автора — один летописец, который работал еще при князе Всеволоде, и его преемник, который продолжил новгородскую летопись уже под покровительством новгородского епископа Нифонта. Текстологический анализ известия позволяет уточнить некоторые факты, важные с исторической точки зрения. Автор присоединяется к тем историкам, которые считают перемену князей, состоявшуюся в 1136 г., важным шагом на пути формирования

Цитирование: Стефанович П. С. Летописное сообщение 1136 г. и становление новгородской независимости // *Slověne*. 2022. Vol. 11, № 2. С. 28–52.

Citation: Stefanovich P. S. (2022) The Chronicle Entry of 1136 and the Formation of the Novgorod Sovereignty. *Slověne*, Vol. 11, № 2, p. 28–52.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.11.2.2

республиканского строя в Новгороде. Он показывает вместе с тем, что разрыв с Киевом оказался сложной и болезненной процедурой для новгородцев. Важную роль в событиях 1136 г. сыграл епископ Нифонт.

Ключевые слова

Русь, средневековый Новгород, новгородская летопись, политическая организация

Abstract

The author of the article gives a detailed analysis of the entry of 1136 of the Novgorod First Chronicle. The chronicle describes how the Novgorodians assembled for a *veche* and made a crucial political decision—they banished the prince Vsevolod, brother of the ruling Kievan prince, and invited the prince Svyatoslav, who belonged to the competing clan of the Chernigov Riurikids. The author concludes that the entry was composed by two chroniclers—one who had worked under the Vsevolod's rule, and the other one who continued working on the chronicle under the patronage of the Novgorod bishop Nifont since 1136. Based on the textual critics, the author explains several historical facts anew. He joins the opinion that the substitution of the princes in 1136 was indeed a milestone in formation of the republican system in medieval Novgorod. However, he shows that the break of Novgorod from Kiev turned out to be a complicated and painful experience. Bishop Nifont played a crucial role in the events of 1136 in Novgorod.

Keywords

medieval Novgorod, Chronicle of Novgorod, political system of pre-Mongol Rus'

В 1136 г. из Новгорода был изгнан князь Всеволод Мстиславич, правивший там с 1117 г., и вместо него новгородцы пригласили князя Святослава Ольговича. Многие историки придают большое значение этой смене власти, имея в виду становление республиканского строя независимости в Новгороде. Когда-то М. С. Грушевский, а вслед за ним Б. Д. Греков говорили даже о «революции» применительно к событиям 1136 г. [Грушевский 1905/1992: 138; Греков 1929: 13]¹, а другие авторы — о «перевороте» в политической организации Новгородской земли [Лихачев 1948: 240].

Сегодня вряд ли кто-то будет говорить о революции или перевороте. Большинство историков согласятся с В. Л. Яниным, который считал, что республиканские институты формировались постепенно в течение

---

¹ М. С. Грушевский первым охарактеризовал события 1136 г. в Новгороде как «революцию». Б. Д. Греков, на которого обычно ссылаются в литературе по этому поводу, лишь использовал уже предложенное определение (не ссылаясь на Грушевского).

веков, начиная с конца XI в. [Янин 2003]. Фактически «институционализация» вечевого строя продолжалась вплоть до падения новгородской независимости в конце XV в. [Лукин 2014]. Некоторые историки вообще сомневаются в том, что в 1136 г. произошло нечто выдающееся, превосходящее по значению обычный конфликт между новгородской общиной и князем, без которого она все равно не могла обойтись [Толочко 2001].

Но это последнее мнение выглядит крайностью. Во всяком случае, одно обстоятельство в политическом плане выделяло смену князей в 1136 г. в череде подобных событий в истории Новгорода (насколько мы можем судить о них из сохранившихся источников). Принимая решение об изгнании одного князя и призыве другого (решение, принятое на вече и не в каких-то экстремальных условиях — военных и т. п.), новгородцы впервые изменили принципу, по которому городом правил либо киевский князь, либо его ставленник (как правило, сын, выступавший наместником отца). До 1136 г. в летописи зафиксированы случаи, когда новгородцы не принимали одних князей и требовали других (например, в правление Святополка Изяславича в Киеве в 1095 г. они не стали принимать Давыда Святославича, а позднее не хотели расставаться с Мстиславом, сыном Владимира Мономаха, тогдашнего князя переяславского [ПСРЛ 1: 229, 276; НПЛ 1950: 470]), но при этом сама связь с Киевом не подвергалась сомнению, и о своих князьях Новгород так или иначе договаривался с киевским князем. В 1136 г. в город был приглашен князь из черниговских Ольговичей, в тот момент противостоявших киевскому князю Ярополку, сыну Владимира Мономаха. С Ярополком новгородцы никак не согласовывали это приглашение и оказались с ним в конфликте. После этого они стали приглашать князей из нескольких разных ветвей/кланов Рюриковичей. Это обстоятельство признают, например, такие разные исследователи, как В. Л. Янин и И. Я. Фроянов: первый отмечает «торжество принципа “вольности в князьях”» после изгнания Всеволода [Янин 2003: 136], второй считает, что именно после разрыва «зависимости от Киева» «новгородский князь стал всецело республиканским органом власти» [Фроянов 1995: 338].

С изменениями в принципах или векторах новгородской политики около или после 1136 г. исследователи связывают разностороннюю деятельность правящего новгородского архиерея — епископа, затем архиепископа Нифонта (1130/31–1156 гг.). Он принимал активное участие в политической жизни, и именно в 1130-е гг. при его непосредственном участии оформился ряд важных документов, которые регулировали отношения церковной и светской организаций в Новгороде

[Печников 2017]. Некоторые исследователи предполагают, что на это время приходится смена центра летописания в Новгороде — находившееся под контролем князя ведение летописи переходит к архиерею, т. е. в Софийский дом. Д. С. Лихачев относил оформление «Софийского временника» как новгородской владычной летописи непосредственно к 1136 г. [Лихачев 1948: 177–180]. А. А. Гиппиус видит признаки, указывающие на рубеж в манере летописных записей, в статье Новгородской 1-й летописи (далее — Н1Л) за 6640 (1132) г. [Гиппиус 2006: 206–210]. Опираясь на наблюдения А. А. Шахматова [Шахматов 1908/2002: 137–8], предполагают, что при Нифонте летописание вел новгородский писатель Кирик, ср. также [Гимон 2005: 331]. Недавно, правда, была выдвинута гипотеза, что до 1136 г. летописание велось не при князе, а в новгородском Антониевом монастыре [Печников 2016: 202–205], но она пока недостаточно развита, и в любом случае сам факт некой цезуры в новгородской летописи в 1130-е гг. не ставится под сомнение.

В данной статье предлагается новый взгляд именно на летописное сообщение 1136 г. Текст кажется мне сложнее по составу и происхождению, чем обычно считают. Отталкиваясь от текстологических наблюдений, я вношу коррективы в принятые трактовки сообщения, связывая его появление со сменой центра летописания в Новгороде в 1130-е гг. На этой основе предлагаются исторические комментарии к политическим событиям 1136 г. в Новгороде.

Текстология

Статья 6644 (1136) г. выглядит в Н1Л следующим образом. В Синодальном списке (Н1Л старшего извода) текст сохранился полнее (списки Н1Л младшего извода отразили слегка сокращенный и приглаженный текст) [НПЛ 1950: 24, 209]². Привожу эту редакцию по публикации А. Н. Насонова³, разбивая текст на смысловые фрагменты и корректируя пунктуацию:

---

² Иные летописи, кроме Н1Л, в данном случае иррелеванты. Все они представляют текст статьи 1136 г. так или иначе обработанный. В некоторых поздних летописях, например, Никоновской, текст целенаправленно изменялся и амплифицировался [Лукин 2022: 125–128].

³ Сверка с фотокопией (по публикации [НПЛс 1964: 38–40], а также по копии, доступной на сайте: <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/164811?query=786&index=4>), подтверждает точность публикации А. Н. Насонова. Нужно только уточнить, что слово «стго», данное в рукописи в сокращенном виде с титлом (трижды), правильнее восстановить не как «святого» (как у Насонова), а «святаго».

В лѣто 6644 индикта лѣта 14 новгородьци призваша пльсковиче и ладожаны и сдумаша, яко изгонити князя своего Всѣволода, и вьсадиша въ епископлъ дворь съ женою и съ дѣтьми и съ тѣцею мѣсяця мая въ 28. И стражѣ стрежаху день и ночь съ оружиемъ, 30 мужь на день. И сѣде 2 мѣсяця. И пустиша из города июля въ 15, а Володимира, сына его, прияша.

А се вины его творяху. 1 Не блюдетъ смердъ. 2 Чему хотель еси сести Переяславли. 3е Ехалъ еси съ пълку переди всѣхъ. А на то много. На початыи велевъ ны рече къ Всѣволоду приступити, а паки отступити велить.

Не пустиша его, донелъже инъ князь приде.

Тъгда же съгорѣ церкви святаго Въскресения манастирь.

Въ то же лѣто приде Новугороду князь Святославъ Олговиць ис Цернигова от брата Всеволодка мѣсяця июля въ 19, преже 14 каланда августа въ недѣлю на сборъ святыя Еуфимие въ 3 часъ дне, а луне небеснѣи въ 19 день.

Томъ же лѣте, наставъшю индикта 15, убиша Гюргя Жирославиця и съ моста съвѣргоша мѣсяця септября.

Въ то же лѣто святиша церковь святаго Николы великымъ священиемъ въ 5 декабря.

Въ то же лѣто оженися Святославъ Олговиць Новегородѣ, и вѣнчяся своими попы у святаго Николы, а Нифонт его не вѣнчя, ни попомъ на сватбу, ни церенцемъ дать, глаголя: не достоить ея пояти.

Въ то же лѣто стрѣлиша князя милостьници Всѣволожи, нъ живѣ бысть.

Если посмотреть на текст с формально-текстологической точки зрения, прежде всего бросаются в глаза специфические хронологические указания, которые в предшествующих годовых статьях НЛЛ отсутствуют. Во-первых, приводятся указания на индикты. Во-вторых, дата прибытия в город Святослава приводится с необычными подробностями. Еще Шахматов связал эту особенность с Кириком, который увлекался хронологическими вычислениями и написал особое «Учение о числах». А. А. Гиппиус, опираясь на текстологические и лингвистические аргументы, показал, что новгородская владычная летопись велась как анналы летописцами, работавшими последовательно, как правило, в годы правления каждого следующего архиерея на новгородской кафедре. Он согласен, что хронологические указания в статье 6644 г. и в ряде последующих годовых статей являются одной из характерных черт работы Кирика, который вполне мог вести летопись в период святительства Нифонта [Гиппиус 1997: 41].

Но до сих пор исследователи не обращали внимания на другую особенность этой годовой статьи — смысловую сбивчивость рассказа в первой ее части, повествующей о том, что происходило с Всеволодом и его семьей, а также разрыв между этим рассказом и сообщением о прибытии в Новгород Святослава.

На мой взгляд, логику нарратива явно нарушает перечисление «вин» Всеволода, после которого бессвязной и малоосмысленной «повисает» последняя фраза перед сообщением о пожаре Воскресенской церкви: «не пустиша его, донелѣже инь князь приде» («не пустили его, пока не пришел другой князь»). Взятая сама по себе, эта фраза непонятна: к кому относятся слова «не пустиша его» — к Всеволоду или к его сыну Владимиру? Лишь соединяя ее с фразой до перечисления «вин» («и пустиша из города июля въ 15, а Володимира, сына его, прияша»), можно все-таки понять, что речь идет о Владимире, которого «прияша» и «не пустиша» после того, как 15 июля «пустиша из города» его отца Всеволода.

Восстанавливая таким образом последовательность событий и рассказа о них, нельзя не удивиться странной формулировке «донелѣже инь князь приде». Сообщается, что Владимир находился в городе, пока не пришел Святослав — «инь князь». Но эти слова совершенно диссоциируют с торжественным заявлением о том же самом факте, приходе нового князя, которое помещено почти сразу ниже (только после сообщения о пожаре): «приде Новугороду князь Святославъ Олговиць [...]» и т. д. Складывается впечатление, что фразу «не пустиша его, донелѣже инь князь приде» и сообщение о приходе Святослава с пространной датировкой писали два разных автора: для первого черниговский князь был просто некий «другой» князь, даже имя которого необязательно указывать, для второго — законный и желанный правитель, приход которого нужно особенно отметить.

Можно также задаться вопросом, в каком времени стоит глагол «приде» в словах «донелѣже инь князь приде». Формально это может быть глагол 3 л. ед. ч. либо в аористе, либо в настоящем времени (=придеть). В первом случае надо думать, что автор этой фразы писал тогда, когда Святослав («инь князь») *уже* пришел. Форма же настоящего времени может свидетельствовать о том, что автор писал тогда, когда князь *еще не* пришел — т. е. в какой-то момент между 15 и 19 июля. В первом случае отчужденно-равнодушное отношение автора текста к новому князю, контрастирующее с последующим сообщением о приходе Святослава, просто очевидно. Во втором случае этот контраст не так ясен, но зато можно определить, что автор писал еще до прихода нового князя.

Как бы то ни было с глаголом «приде», эти наблюдения в целом ведут к заключению: в статье 6644 г. отразилось творчество двух разных летописцев. «Двуслойность» текста статьи и объясняет сбивчивость повествования, и соответствует тезису о смене княжеского контроля над летописанием владычным. Первым автором, очевидно, надо счи-

тать летописца Всеволода, который работал вплоть до ухода своего покровителя. Вторым был летописец, трудившийся уже под эгидой Софийского дома, — это был Кирик или другой книжник того же круга новгородских интеллектуалов (далее буду говорить о Кирике как предположительном авторе), и он описывал события 1136 г. *ex post*⁴.

Первый слой текста надо видеть, собственно, в рассказе об уходе Всеволода, который начинался с характерных слов об изгнании новгородцами «князя **своего**», а заканчивался словами о приходе «другого князя» («донелѣже инъ князь приде»). Возможно, к этому слою принадлежит и приписка о пожаре Воскресенской церкви «тогда же». Но все дальнейшие сообщения свидетельствуют о взгляде нового владычного летописца, фиксирующего появление нового князя и блистающего точной (иногда до экстравагантности) хронологией. Указание об индикте в самом начале статьи, конечно, тоже принадлежит ему — очевидно, начатая одним автором годовая статья была «оформлена» как целое его преемником. Вставным надо считать пассаж с обвинениями Всеволода, который разорвал связный текст и который был введен глаголом в имперфекте («творяху»), в то время как весь рассказ выдержан в аористе: «призваша», «всадиша», «седе», «прияша» и т. д. (за исключением лишь указания на охрану запертой княжеской семьи: «стрежаху», что объясняется, очевидно, продолжительностью действия — два месяца). Этот первоначальный текст говорил о судьбе князя и его сына уже спустя некоторое время после того, как обвинения были предъявлены на майском вечевом собрании, с которого и началась вся история.

Первоначальную запись Всеволодова летописца можно реконструировать примерно так:

[...] новгородьци призваша пльсковиче и ладожаны и сдумаша, яко изгонити князя своего Всеволода, и всадиша въ епископлъ дворъ съ женою и съ дѣтьми и съ тѣщею мѣсяця мая въ 28. И стражбе стрежаху день и ночь съ оружиемъ, 30 мужь на день. И сѣде 2 мѣсяця. И пустиша из города июля въ 15, а Володимира, сына его, прияша. [И] *не пустиша его*, донелѣже инъ князь приде...

Текст в таком виде ясен и логичен. Не вполне точным выглядит замечание, что Всеволод сидел под арестом 2 месяца (с 28 мая до 15 июля

⁴ Строго говоря, с формальной точки зрения можно также допускать, что писали не два разных автора, а писал один автор, но сильно изменивший и манеру повествования, и свое отношение к князьям. Это предположение, однако, усложняет без надобности реконструкцию событий и процесса ведения летописи (о чем см. ниже), но, главное, ничего не меняет в сути дела — писали ли два разных автора или один «переродившийся», важно, что в летописном нарративе присутствует сбой, причиной которого были политические трансформации.

прошло не 60, а только 49 дней), но неточность можно объяснить либо ошибкой в дате 28 мая⁵, либо преувеличением летописца, сочувствовавшего «своему» князю. Можно также допустить, что слова «не пустиша его» (выделены курсивом) были добавлены вторым летописцем-редактором, который вставил фрагмент с «винами» Всеволода. Без этих слов смысл текста становится таким, что выдает руку человека, писавшего еще до прихода Святослава, а значит, использовавшего глагол «приде» в настоящем времени.

Вывод, что в статье 6644 г. присутствуют следы работы двух разных летописцев, может, на мой взгляд, решить вопрос, оставленный открытым Гиппиусом, который по ряду формальных признаков зафиксировал текстуальные «швы» в Н1Л, отразившие смену авторов новгородской владычной летописи. Согласно его наблюдениям, некоторые признаки, характерные для манеры Нифонтова летописца (Кирика), обнаруживаются не только в статье 6644 г., но и в более ранней статье 6640 (1132) г., в которой говорилось о неудачной попытке Всеволода вокняжиться в Переяславле (южном) и его возвращении в Новгород. Исследователь заключил, что «шов» между летописцами Всеволода и Нифонта пролегает именно в статье 6640 г., а значит, 1132-м годом можно было бы тогда датировать переход контроля над летописанием от князя к епископу. Вместе с тем он не настаивает на этой датировке, допуская, что неоднородность текста в статье 6640 г. может объясняться и позднейшей редактурой софийского летописца, приступившего к работе только в 1136 г. (как думал Д. С. Лихачев) [Гиппиус 1997: 41–42; Idem 2006: 206–207, 209–210, 215].

Не ставя под сомнения ни общую концепцию Гиппиуса, ни его заключение о ряде инновационных лингвистических и стилистических черт в статье 6640 г., надо вместе с тем заметить, что в статьях 6641–6643 гг., согласно его же «атласу дистрибуции формальных признаков» в новгородской летописи, подобные черты выражены очень слабо (ср. более осторожные оценки исследователя по этому поводу в публикации 2006 г. по сравнению с публикацией 1997 г.: [Гиппиус 1997: 41–42] vs [Idem 2006: 196–200 и приложения к статье]). Более того, с точки зрения содержания и расстановки смысловых акцентов, эти статьи выдают руку летописца, для которого важнее всего были именно деяния князя Всеволода Мстиславича и который в целом сочувствовал ему. Например, в статье 6641 (1133) г. в сообщении о строительстве церкви в Новгороде специально отмечено: «при князи Всеволоде»; в рассказе о войне

---

⁵ Возможно, вследствие изначальной неточности автора, а может быть, из-за палеографической ошибки, например: первоначальная запись цифирью *к̄* превратилась в *к̄и* и т. п.

новгородцев с суздальцами под 6642 (1134) г. о Всеволоде говорится как предводителе первых, а целью войны выставлено желание Всеволода утвердить в Суздальской земле его брата Изяслава («ходи Всѣволодь съ новгородьци, хотя брата своего посадити в Суждали»); итоги войны изложены нейтрально (хотя против войны был митрополит и, видимо, пригласивший его в Новгород Нифонт, и она закончилась неудачно для Новгорода), причем ничего плохого о князе и его действиях не сказано; в статье 6643 (1135) г. говорится о совместной Всеволода с Нифонтом закладке церкви Богородицы на Торгу. В целом и формально, и содержательно статьи 6641–6643 (1133–1135) гг. примыкают к блоку «до-нифонтовых» записей, сходны с манерой первого летописца в статье 6644 г. (оставившего запись об изгнании Всеволода) и расходятся со стилем второго летописца этой статьи (Кирика).

Из этого следует, что тот «шов», который обнаружил Гиппиус в статье 6640 (1132) г., правильнее было бы объяснять именно позднейшей редактурой софийского летописца, который дополнил и скорректировал статью 6644 г. в свете новой политической ситуации, сложившейся после прихода Святослава. Этот летописец (Кирик) получил летопись, доведенную до событий, связанных с изгнанием Всеволода в 1136 г., и внес изменения в нее в связи именно с этими событиями. Статьи 6641–6643 (1133–1135) гг. он, видимо, если и правил, то незначительно, но зато дополнил сообщение об изгнании Всеволода в 1136 г. заявлением новгородского веча о «винах» Всеволода, а статью 6640 (1132) г. — описанием метаний Всеволода между Переяславлем и Новгородом. Дополнения Кирика в статье 6640 г. хорошо выделяются специфическими лингвистическими и стилистическими признаками. Гиппиус отметил эти признаки — следуя ему, выделяю их в тексте годовой статье подчеркиванием [НПЛ 1950: 22–23; Гиппиус 2006: 206]:

Въ лѣто 6640. Прѣставися Мъстиславъ Киевѣ, Володимириць, априля въ 14; а Яроплькъ седе на столѣ, брат Мъстиславль. Въ се же лѣто ходи Всѣволодь въ Русь Переяславлю, повелениемъ Яропльцемъ, а целовавъ крестъ къ новгородцемъ, яко «хоцю у васъ умерети». И рече Гюрги и Андрѣи: «се Яроплькъ, брат наю, по смерти своеи хочеть дати Киевъ Всеволоду, братану своему»; и выгониста и ис Переяславля. И приде опять Новугороду; и бысть встанъ велика въ людьхъ; и придоша пльсковичи и ладожане Новугороду, и выгониста князя Всѣволода из города; и паки съдумавъше, вьспятиша и Устьяхъ; а Мирославу даша посадьницяти въ Пльскове, а Рагуилови въ городѣ.

Как показал Гиппиус, специфическое употребление союза *яко*, ввод прямой речи и написание имени *Всеволод* через *e* (а не через *ь* — ять) выделяют подчеркнутый текст как отличный от манеры Всеволодова

летописца, автора статей до 1132 г. (к этому скорее склоняется Гиппиус) или до 1136 г. (как полагал Лихачев и как кажется более вероятным мне). На мой взгляд, этот текст легко выделяется как вставной фрагмент — достаточно обратить внимание на употребление глаголов движения, описывающих действия Всеволода: «Въ се же лѣто ходи Всѣволодъ въ Русь Переяславлю, повелениемъ Яропѣльцемъ [...] и приде опять Новугороду [...]» и т. д. Вставлено было объяснение, почему Всеволод уходил из Новгорода в Переяславль и почему вернулся, встретив отпор своих дядьев Юрия и Андрея Владимировичей. Весь этот эпизод политической биографии Всеволода был явной неудачей (особенно если учитывать, что в конце концов его едва не «выгониша» из Новгорода), и вполне понятно, что в первоначальном тексте, написанном его летописцем, компрометирующие князя факты должны были замалчиваться.

Выделяемая таким образом вставка очень похожа на вставной фрагмент с перечислением «вин» Всеволода в статье 6644 (1136) г.: и здесь, и там вводятся чужие слова прямой речью, и здесь, и там смысл дополнений сводится к тому, чтобы объяснить неправильное — с новгородской точки зрения — поведение Всеволода. Более того, одна из «вин», указанная второй в списке в статье 6644 г., прямо соотносится с тем, о чем идет речь во фрагменте, вставном в статье 6640 г.: желание Всеволода «сестъ» (вокняжиться) в Переяславле. Это стремление выставлено проступком («виной») в заявлении новгородского веча в 1136 г., и оно же осуждается в статье 6640 г. как нарушение некоего старого договора (крестоцелования) с новгородцами.

В заключение раздела статьи, посвященного текстологическим вопросам, замечу, что сам по себе механизм редактур *ex post* находит близкие аналогии в истории новгородского владычного летописания⁶. Тот же Гиппиус показал, как летописец, перенявший работу над летописанием после смерти архиепископа Мартирия в 1199 г. и возведения на кафедру Митрофана, внес значительные изменения в статьи 6704–6707 (1196–1199) гг., написанные при Мартирии [Гиппиус 1997: 24–28; Idem 2006: 203]. Правка была обусловлена тоже во многом сменой общественно-политической ситуации в Новгороде. Гиппиус предполагает, что при редактуре заменялись последние тетради или листы одной рукописи — «официального экземпляра» владычной летописи. Ничто не мешает допустить, что такого же рода замену предпринял Кирик, продолживший новгородское летописание в 1136 г. Но возможно также, что он просто поместил вставные фрагменты в статьи 6640 и 6644 гг. на полях той рукописи, которая ему досталась от предшественника.

⁶ О «дальних» аналогиях здесь не говорю, но примеры позднейшей редактур в тех или иных летописных традициях средневековой Руси многочисленны.

Обращает на себя внимание тот факт, что объем обеих выделяемых вставок очень близок: 33 слова и 156 знаков в статье 6640 г. vs 35 и 163, соответственно, под 6644 г. Возможно, это свидетельствует о том, что чисто технически вставки осуществлялись каким-то похожим способом, который был обусловлен тем, что писцу приходилось работать с переданной ему рукописью⁷.

Исторический комментарий

Вскрытие двуслойности статьи 6640 г. позволяет уточнить некоторые детали в исторической интерпретации событий, описанных в статье.

1. Прежде всего прокомментировать следует перечисление «вин», которое вставил Кирик в сообщение об изгнании Всеволода. Вне сомнения, это пересказ или даже цитирование тех претензий, которые были сформулированы на новгородском вече в мае 1136 г. в адрес князя.

А. Н. Насонов в публикации Н1Л во фразе «На початыи велевь ны рече къ Всѣволоду приступити, а паки отступити велить» выделил слово «рече» запятыми, понимая, очевидно, его как указание на передачу неких чужих слов в смысле «дескать», «мол». При таком понимании выходит, что пересказывается, собственно, вечевая речь или даже грамота, — т. е. это слово надо переводить: «как говорилось / сказано [в речи / грамоте]».

Впрочем, синтаксис этой фразы можно трактовать по-разному, в зависимости от понимания именно слова «рече». С лингвистической точки зрения, в принципе, возможно, что глагол «рече» связан с причастием «велевь» и описываются указания князя: «велевь ны рече» = «приказывая нам, сказал». Теоретически «рече» можно трактовать и как форму глагола во 2 л. аориста («ты сказал»), и тогда это — обращение вечников к князю. Но такая интерпретация противоречит тому, что вторая часть фразы сформулирована в третьем лице ((он) «отступити велить») и что другие глаголы в обращениях к князю стоят в перфекте (в формулировке второй и третьей «вин»: «хотел еси», «ехал еси»). В любом случае, как бы ни понимать слово «рече», ясно, что словами «а се вины его творяху» вводится прямая речь новгородцев.

В Н1Л находится близкая аналогия такого рода прямой речи вечников⁸. В статье 6778 (1270) г. повествуется о конфликте новгородцев с князем Ярославом Ярославичем и упоминается, что вече в Новгороде

⁷ Наблюдение об объеме предполагаемых вставок высказали при обсуждении доклада с изложением некоторых выводов этой статьи С. М. Михеев и Д. А. Добровольский. Благодарю их за это и за некоторые другие замечания.

⁸ На эту аналогию указал А. А. Гиппиус на конференции в 2019 г. при обсуждении моего доклада, который лег в основу данной статьи. За это указание, а также за некоторые другие подсказки, я ему весьма признателен.

(очевидно, на Торгу) происходило без князя, «а къ князю послаша на Городище, исписавше на грамоту всю вину его [...]» [НПЛ 1950: 88, 319]. В этом случае летописец процитировал соответствующую «грамоту». Писали ли грамоту князю в 1136 г. или устно предъявили обвинения князю, вызванному на вече (и тут же его и повязали), мы не знаем, но летописец сформулировал их, что называется, как по писаному. Если понимать «рече» в смысле «как говорилось/сказано», надо думать, что Кирик просто цитировал грамоту.

Заслуживает внимания также перечисление «всей вины» Ярослава сразу после процитированных слов в статье 6778 г. — цитирую по изданию Насонова с его пунктуацией:

[...] чему еси отъялъ Волховъ гогольными ловци, а поле отъялъ еси заячими ловци, чему взялъ еси Олексинъ двор Морткинича, чему поималъ еси серебро на Микифоръ Манускиничи и на Романъ Болдыжевичи и на Варфоломъи, а иное, чему выводилъ от нас иноземца, котории у насъ живутъ», а того много вины его, «а ныне, княже, не можемъ терпѣти твоего насилья, поѣди от насъ, а мы собѣ князя промыслимъ».

В данном случае не так важны конкретные обвинения Ярослава, сколько слова, прерывающие их список и очень напоминающие фразу в перечислении вин Всеволода: «а того много вины его» (6778) — ср.: «а на то много» (6644). Аналогия позволяет объяснить смысл этой фразы в статье 6644 г., всегда вызывавшей недоумение историков. Большинство из них включали слова «а на то много» в вечернюю речь (следуя расстановке кавычек и знаков препинания в публикации Насонова, который эту фразу в тексте статьи 6644 г. не выделил из закавыченной речи, в отличие от похожей фразы в статье 6778 г.), но при пересказе претензий веча к Всеволоду их просто опускали, ср., например [Петров 2003: 125–126]. Лишь немногие пытались как-то объяснить слова «а на то много», но явно неудачно. Например, М. Н. Тихомиров — единственный, кто вообще перевел на современный русский язык известие об изгнании Всеволода, — дает такой перевод третьей «вины» Всеволода: «ехал ты с боя впереди всех; а потому много погибших [...]» [Тихомиров 1955: 192]. Что заставило Тихомирова думать о погибших, остается только гадать; он сам ничего не объяснил.

На мой взгляд, слова «а на то много» надо понимать как замечание, заключавшее перечисление трех «вин» Всеволода (они обозначены цифрами в летописном тексте — 1, 2, 3) и вводившее заключительную фразу с еще одной отдельной «виной»: «на початыи велевъ ны рече къ Всѣволоду приступити, а пакы отступити велить». Такой заключительно-переходный характер имела фраза «а того много вины его» в статье 6770 г. И в том, и в другом случае это вполне могли быть слова самих вечников, а не летописца. Смысл обеих фраз был примерно одинаков,

только в статье 6644 г. вместо «того» (в смысле *итого, таким образом*) говорилось «на то», а главное, формулировка была более краткой: слово «вина» было опущено, хотя подразумевалось. Союз *на* должен пониматься в смысле *сверх, более*. Перевод слов «а на то много» должен быть примерно такой: «а сверх/более того много [его вины еще]». И вот такая *еще* провинность была за Всеволодом, говорилось далее: «на початыи велевъ...» и т. д.

Теоретически возможно понимание текста, предполагающее связь слов «а на то много» со словами «на початыи», которыми в издании Насонова начинается следующая фраза⁹. Такое понимание оправдывается, прежде всего, тем, что выражение «на початыи» в качестве самостоятельного оборота не имеет аналогий в древнерусских источниках, а также положением энклитики «ны», которая должна стоять после первого слова фразы. Действительно, в сохранившихся памятниках древнерусской письменности известно только выражение с существительным — «на початыи», и авторы «Словаря древнерусского языка» даже предположили, что в Н1Л ошибка и что первоначальным в тексте было именно это выражение [Словарь 2004: 396]. Однако, если не предполагать такой ошибки и ориентироваться на положение слова «ны», получающаяся фраза «а на то много на початыи» трудно поддается объяснению. Не будучи лингвистом, мне трудно выносить однозначное решение в этом вопросе, но кажется проще интерпретировать выражение «на початыи» как гапакс, понимая его как подобное по смыслу и морфологии современному русскому слову «впервой». В пользу этого варианта говорит и то, что в списках Н1Л младшего извода и в других летописях выражение «а на то много» так или иначе изменялось, но выражение «на початыи» везде сохранялось и понималось, очевидно, именно как часть следующей фразы в смысле «в начале».

2. Последняя «вина» Всеволода (четвертая по общему счету) была не просто «дополнительной» [Петров 2003: 126]. Этой «вины» было «много», т. е. это была большая, значительная провинность, и оказалась она в конце списка, с одной стороны, по принципу *last but not least*, а с другой — по принципу хронологической последовательности. В отличие от трех других провинностей она относилась к совсем недавнему прошлому. Первая «вина» («не блюдет смердь») подытоживала деятельность князя за несколько (или даже много) лет; вторая (уход в Переяславль) относилась к событиям 1132 г.; третья (битва на Ждане горе) — к январю 1135 г. Четвертая вина, таким образом, должна была иметь в виду события второй половины 1135 – начала 1136 г., когда нов-

⁹ Такую мысль высказал Гиппиус при обсуждении предварительного варианта данной статьи.

городцы дважды посылали посольства в южную Русь, наблюдая противоборство киевского князя Ярополка Владимировича (дяди Всеволода) и черниговского князя Всеволода Ольговича (старшего брата того Святослава, который пришел в Новгород в июле 1136 г.). Об этих посольствах говорит НПЛ под 6643 г., и летописец явно придавал им большое значение [НПЛ 1950: 23–24].

Можно даже думать, что именно эта последняя «вина» Всеволода и была ключевой. Соглашаясь с Т. Л. Вилкул, что все это перечисление «вин» должно оцениваться с учетом «особенностей риторики того времени» [Вилкул 2009: 294], следует видеть в нем скорее некие придирки и припоминания прошлых промахов, на которые вполне можно было бы закрыть глаза, если бы в тот конкретный момент князь устраивал новгородцев. Однако как раз в начале 1136 г. сложилась такая ситуация, когда политические силы, стоявшие за Всеволодом, оказались ослаблены, и было бы вполне понятно и даже естественно, что новгородцы начали переговоры о союзе с силами противоборствующими.

Речь идет о конфликте киевского князя Ярополка, ставленником которого фактически был Всеволод Мстиславич, с черниговским князем Всеволодом (см. подробнее об этом конфликте в контексте княжеских отношений 1130-х гг. [Грушевский 1905/1992: 134–135; Кучкин 1996: 38–40]). Две «горячие» фазы конфликта — летом 1135 г. (битва на Супое 8 августа) и зимой 1135–1136 гг. (осада черниговцами Киева) — закончились мирным договором 12 января 1136 г. [ПСРЛ 2: 299]. Условия договора нам не известны, но они, безусловно, были выгодны для Всеволода черниговского. Вполне вероятно, что как раз во время конфликта Всеволод Мстиславич проявил нерешительность, надо ли вступать в союз с Всеволодом Ольговичем или нет (об этом и говорится в «четвертой вине»: «къ Всѣволоду приступити, а паки отступити»), и вполне вероятно, итоговый договор каким-то образом затрагивал и Новгород. По-видимому, второе посольство новгородцев в южную Русь зимой 1135–1136 гг. уже начало переговоры с Всеволодом черниговским о возможном переходе под его покровительство, т. е. присылке от него князя (такая догадка напрашивается, и она неоднократно высказывалась историками, ср., например: [Толочко 2001: 401; Печников 2017: 244]). Новгородцы, объявляя на вече об изгнании Всеволода Мстиславича, конечно, должны уже были быть уверены, что их поддержит черниговский князь. Просто так изгнать «своего князя», разорвав союз с Ярополком киевским, и остаться вообще без князя они не могли.

Таким образом, коренной причиной изгнания было именно противостояние между Киевом и Черниговом, а точнее успехи Всеволода черниговского. Всеволод Мстиславич оказался заложником борьбы на

юге, не смог проявить самостоятельность, мобилизовать силы союзных ему князей и вел политику колеблющуюся и нерешительную. Это его и сгубило. Все остальное в речи новгородцев было лишь дополнительными аргументами.

3. То, что изгнание Всеволода Мстиславича требовало тщательной подготовки и не было каким-то спонтанным и в то же время «заурядным» [Толочко 2001: 401] решением вечевой демократии, доказывается целым рядом обстоятельств в череде событий в Новгороде в 1136 г. и в последующие годы. Это была мера, вне всякого сомнения, крайняя, сложная в практическом исполнении и не вполне предсказуемая по последствиям.

Совсем неслучайным представляется тот факт, что на вече, принявшее решение об изгнании «своего князя», новгородцы «призваша пльсковиче и ладожаны». До этого об участии жителей Пскова и Ладоги в вече в НЛЛ говорилось только в связи с событиями 1132 г., когда новгородцы впервые попытались изгнать Всеволода. Очевидно, расширенный состав вече объяснялся важностью вопроса, стоявшего на повестке дня. Собрать такой состав вече требовало и определенных усилий, и времени. Причем те, кто занимался организацией этого дела, должны были действовать втайне от князя и его людей, чтобы они не успели подготовиться к народному собранию или предотвратить его.

О сложностях, с которыми столкнулись новгородцы, говорят их действия после вече. Арест и задержание князя и его семьи на полтора–два месяца объяснялись, прежде всего, необходимостью обеспечить мирную передачу власти и избежать войны между Всеволодом Мстиславичем и тем из черниговских князей, кто должен был стать его преемником. Такой конфликт был вполне вероятен ввиду наличия сторонников Всеволода в Новгороде и противостояния между Ярополком и Всеволодом Ольговичем в южной Руси. Кроме того, новгородцы, видимо, были не до конца уверены, что из Чернигова действительно кто-то придет. Хотя, вероятно, со Всеволодом Ольговичем были достигнуты предварительные договоренности, отправка его ставленника в Новгород уже после вечевого решения заняла некоторое время: полтора или два месяца — это срок больший, чем требовалось на поездку послов из Новгорода в Чернигов и затем возвращения их с князем (для такой поездки туда-обратно нужно было не более 3–4 недель). Видимо, имели место еще какие-то переговоры, а может быть, и колебания.

Сторожить Всеволода Мстиславича и его семью должны были 30 человек «с оружием» — весьма внушительный отряд по тогдашним меркам. Задача этих людей была двойкой: важно было не только не позволить князю убежать, а его сторонникам вызволить его, но, с дру-

гой стороны, и обеспечить безопасность его самого, а также его жены и тещи, которые представляли черниговский дом (теща Всеволода была женой постригшегося в монашество черниговского князя Святослава-Святоши Давыдовича, двоюродного брата Всеволода и Святослава Ольговичей, см. [НПЛ 1950: 19; Домбровский 2015: 110–112]). Во избежание конфликтов с теми или другими родственниками Всеволода Мстиславича новгородцы должны были вывести его и его семью из Новгорода целыми и невредимыми.

Чтобы не допустить столкновения Всеволода Мстиславича, запертого в Новгороде, и уже подходившего к городу Святослава Ольговича, новгородцы придумали следующую операцию. Они выпустили Всеволода, но «прияша» его малолетнего сына Владимира (тот не мог быть старше 11 лет, а скорее всего, был гораздо младше [Домбровский 2015: 210]). Высказывалось мнение, что это «приятие» было формальным актом вокняжения, т. е. новгородцы приняли Владимира как своего князя. Например, В. Л. Янин полагал, что вокняжение Владимира организовали сторонники Всеволода [Янин 2003: 104]. И. Я. Фроянов писал, что в этом акте сказались некие «языческие представления» о недопустимости пустующего княжеского стола из-за надления фигуры князя магическими свойствами [Фроянов 1995: 335]. На самом деле, глагол «прияша» надо понимать в смысле «задержали, арестовали» (о таком смысле глагола *приятти* см. в работах П. В. Петрухина и Гиппиуса, написанных в ходе дискуссии об одной берестяной грамоте XII или начала XIII в. [Гиппиус 2015: 118–121; Петрухин 2019: 60–63]). Когда новгородцы узнали, что Святослав уже подошел, они удалили из города Всеволода, оставив в заложниках только его малолетнего сына. Несколько дней Святослав пережидал, чтобы торжественно въехать в город в воскресенье. 19 июля он вошел в Новгород¹⁰. Владимира, видимо, отпустили вскоре, убедившись, что больше нет опасности столкновения двух князей.

¹⁰ Точность датировки давно уже подтверждена в литературе, хотя до сих пор отмечали только совпадение даты и дня недели (19 июля, воскресенье) и точное указание Кирика на день по лунному календарю. Не обращали внимания на особенное церковное празднование в этот день — совместную память св. Евфимии Всехвальная и св. отцов IV Вселенского Собора. Согласно Студийскому уставу, этот праздник должен был отмечаться в первое воскресенье после памяти самой св. Евфимии 11 июля. Однако, как гласит специальное примечание в списке Устава, созданном в Новгороде около 1170 г. (ГИМ, *Синод. 330*), если 16 июля приходилось на четверг (т. е. 11 июля выпадало на субботу), то эту совместную память следовало служить «в приходящую неделю», т. е. в воскресенье, следующее за 16-м, — 19 июля [Пентковский 2001: 353]. В 1136 г. 11 и 16 июля выпали как раз, соответственно, на субботу и четверг, поэтому память св. Евфимии и св. отцов праздновали именно в воскресенье 19 июля. Естественно, эта особенность церковного календаря должна была броситься в глаза и запомниться современникам, и указание Кирика на праздник 19 июля нельзя считать случайностью. Ср. также: [Лосева 2001: 380, 385; Лукашевич 2008: 466].

Вся эта процедура смены власти оказывается, таким образом, весьма непростой. Но даже вроде бы успешно завершившись, она не гарантировала политической стабильности в Новгороде. Летописная статья 6644 г. заканчивается сообщением о покушении на Святослава «милостников Всеволожих», а в 1137 г. в Новгороде, как известно, разгорелся внутренний конфликт и произошел разрыв с Псковом, где закрепился изгнанный Всеволод Мстиславич. Летописец специально отмечает, что новгородцы оказались в политической изоляции: «и не бе мира съ ними (псковичами. — П. С.), ни съ суждальци, ни съ смольняны, ни съ полоцяны, ни съ кыяны» [НПЛ 1950: 25]. В 1138 г. из Новгорода был изгнан уже Святослав, причем и ему самому, и его жене тоже пришлось посидеть под арестом. Как написал летописец, новгородцы задерживали их, «ждуше оправы Яропълку съ Всъволодомъ» [НПЛ 1950: 25], — т. е. ожидая разрешения очередной усобицы между киевским князем и черниговским. Святослав, как новгородский князь, попал точно в такую же ситуацию, как и Всеволод Мстиславич, оказавшись в зависимости от выяснения отношений между сильнейшими князьями Руси в Поднепровье.

В следующие несколько лет князья часто менялись в Новгороде, и практически каждая перемена проходила с внутренними «мятежами», конфликтами с киевскими и другими князьями, арестами новгородских князей в Новгороде (в частности, использовался опять и «епископль двор», например, в 1142 г. там держали Ростислава, сына Юрия Долгорукого) и т. п. Лишь под 6662 (1154) г. летопись сообщает об изгнаниях и приеме князей по вечевым решениям, не упоминая о каких-либо волнениях, конфликтах и силовых действиях (с той или иной стороны). Характерно, что при описании событий этого года в летописи впервые появляется выражение, которое позднее станет формульным указанием на изгнание князя — «новгородци показаша путь» [НПЛ 1950: 29]. К этому времени процедура смены князей по решению новгородского веча становится относительно привычной и безболезненной или «заурядной», как выражался П. П. Толочко. Конечно, и в дальнейшем сохранялся некий конфликтный потенциал в самом принципе выбора новгородцами князей и колебаниях их между той или иной ветвью Рюриковичей, что регулярно вызывало волнения в городе или силовые действия по отношению к князьям или с их стороны. Но все-таки этот принцип стал общепризнанным, а нормой — смена князей, которая подразумевала мирную передачу власти (по крайней мере, в идеале).

4. Отдельного комментария заслуживает оценка роли епископа Нифонта в событиях 1136 г. В литературе его обычно выставляют сторонником Всеволода Мстиславича [Греков 1929: 17; Тихомиров 1955:

190; Dimnik 1994: 338–341]. Главным аргументом при этом служит сообщение в той же статье 6644 (1136) г., что владыка запретил новгородскому духовенству служить на свадьбе Святослава Ольговича и тому пришлось венчаться «своими попы». Неприязнь к Святославу, которая якобы отразилась в этих действиях Нифонта, позволяет исследователям предполагать его симпатии по отношению к Всеволоду.

Между тем само по себе это сообщение не обнаруживает никакого политического контекста, а формулировка, вложенная в уста Нифонта летописцем, заставляет предполагать скорее чисто церковно-канонические причины запрета (близкое родство брачующихся и т. п.) [Литвина, Успенский 2013]. Поскольку ничего неизвестно о жене Святослава, об этих причинах можно только гадать, но анализ всей деятельности Нифонта за период его святительства в Новгороде не позволяет говорить о том, что у него были какие-либо особые отношения — симпатии либо антипатии — или к Всеволоду Мстиславичу, или к Святославу Ольговичу, или к кому-то из других князей, княживших в Новгороде. В целом, он «держал себя достаточно независимо», отстаивая церковные интересы, а в политических вопросах «разделял позицию большинства новгородцев» [Печников 2017: 271–272].

В конфликте новгородцев и Всеволода Мстиславича Нифонт явно был на стороне первых. Незадолго до изгнания Всеволода, зимой 1135–1136 гг., епископ, как сообщает летопись, ездил в южную Русь с новгородскими «лучшими мужи» [НПЛ 1950: 24]. Хотя Нифонт вообще поддерживал тесный контакт с тогдашним митрополитом Киевским Михаилом и у него могли быть свои причины для поездки в Киев, но, как говорилось выше, есть все основания подозревать, что это новгородское посольство уже начало переговоры с Всеволодом черниговским о переходе под его покровительство. Нифонт не мог не знать об этих переговорах, а может быть, даже и принимал в них участие. Неслучайным в этой связи представляется тот факт, что после вечернего решения об изгнании Всеволода Мстиславича его самого и его семью «всадиша в епископль двор».

Исследователи редко задавались вопросом, почему князя заключили именно в усадьбу владыки (очевидно, в кремле около Софийского собора). Недавно на этот вопрос попытался ответить М. В. Печников и пришел к выводу, что в этом факте отразилось «складывание патроната новгородцев над епископской кафедрой» [Печников 2017: 249–250]. Действительно, умаление власти князя, начавшееся в Новгороде с конца XI в., означало расширение полномочий веча и городских магистратов, в том числе, вероятно, и в отношении кафедры. Вместе с тем вся деятельность Нифонта, а также те официальные документы,

которые были записаны в период его святительства и дошли до нас в том или ином виде (Церковный устав Всеволода, Устав Святослава о десятине, жалованные грамоты Всеволода и Изяслава и др.), — все это свидетельствует как раз не об уменьшении власти и авторитета владыки, а об их расширении и подъеме, хотя он при этом должен был брать на себя некие общегородские должностные функции (это, собственно, признает и сам Печников). Заключение Всеволода и его семьи именно в епископском «дворе» не могло состояться без согласия самого Нифонта, который вернулся в Новгород с юга 4 февраля 1136 г. (как сказано в летописи) и, судя по всему, весь мартовский 6644-й год оставался в городе.

Заключение князя в усадьбе Нифонта говорит, конечно, о том, что владыка был согласен и с самим решением веча об изгнании Всеволода и вообще был участником всего этого политического «переворота». Но не надо думать, что он действовал как приверженец какой-то боярской «партии», отстаивая некую политическую линию против Всеволода, или выступал просто тюремщиком. Епископ, в сущности, выполнял важную общественную функцию ради «общего блага» городской общины — он брал на себя охрану и в то же время защиту князя и его семьи, неся ответственность за их безопасность. Как говорилось выше, благополучно вывести из города Всеволода и не допустить столкновения князей и их сторонников — это было в интересах новгородцев, которые через вечевое решение хотели провести легитимную (с их точки зрения) смену власти. В этом смысле Нифонт выступал от имени веча и как исполнитель его воли — т. е. выступал как магистрат, выполняя служебно-должностные функции.

Позиция епископа объясняет те общие перспективу и тональность, в которых выдержаны летописные статьи Кирика, открывавшие новый — владычный — этап истории новгородского летописания. Сам факт, что Кирик, перенимая эстафету летописания от своего предшественника, княжеского летописца, нашел необходимым внести вставку, цитирующую вечевой приговор с обвинениями против князя, говорит о том, что он считал и само вече, и его приговор важными, определяющими политическую жизнь Новгорода. Некая «сюжетная повествовательность» присутствовала и у Всеволодова летописца [Конявская 2013: 82–83], но Кирик делает ее уже характерной чертой владычной летописи, выстраивая ведущие сюжеты именно вокруг веча, а точнее — его важнейших решений, касавшихся отношений городской общины с князьями Рюриковичами и владыками. Как оказалось, такая перспектива была выбрана чрезвычайно удачно: она сохранялась во владычной летописи фактически до самого ее прекращения в условиях падения

новгородской независимости. Летописец архиерейской канцелярии писал не с узко церковных позиций и интересов (что вообще-то вполне можно было бы ожидать для эпохи первой половины XII в.), а как представитель одного из важнейших должностных лиц новгородской республики и в то же время персоны, воплощавшей духовно-символически идеал ее независимости, — владыки. Многие указывает на то, что такие роль и статус новгородского святителя сформировались в своей основе именно в правление Нифонта, в том числе в ходе и в результате событий 1136 г.

Заключение

Главным результатом исследования, представленного в данной работе, являются вскрытие неоднородности статьи 6644 (1136) г. в Н1Л и новая интерпретация рассказа об изгнании князя Всеволода Мстиславича. На мой взгляд, первая часть этой статьи, до сообщения о приходе в Новгород князя Святослава Ольговича, была написана летописцем, который работал под патронатом Всеволода Мстиславича. В 1136 г., как предположил Лихачев, вслед за изгнанием князя произошел переход контроля над летописанием — оно стало вестись в архиерейской канцелярии. И новый летописец — а им был, вероятно, известный новгородский книжник Кирик — закончил статью 6644 г., а в первую часть, написанную его предшественником, сделал вставку: вечевого приговора с перечислением «вин» Всеволода перед новгородцами. Весьма вероятно, что он при этом просто цитировал грамоту, оформленную на вече и обращенную к князю. Лингвистические данные и содержательный анализ летописи позволяют предположить, что Кирик сделал еще одну вставку в текст летописи, переданной ему в 1136 г., — рассказ об уходе Всеволода из Новгорода в Переяславль-Русский в 1132 г. (статья 6640 г.). Это сообщение должно было пояснить вторую «вину» князя во вставке в статье 6644 г. («чему хотел еси сести Переяслави»).

Цель интерполяции вечевого приговора 1136 г. была прежде всего в том, чтобы если не оправдать, то, по крайней мере, объяснить действия новгородцев. Совершенно очевидно, что эти действия вызывали вопросы или даже осуждение не только со стороны изгнанного князя, но и других современников событий, считавших власть Рюриковичей законной и даже богоданной (об идее богоустановленности княжеской власти в домонгольской Руси см. [Стефанович в печати]). За правлением Всеволода в Новгороде стояли и традиция, освященная временем, и договор с киевским князем, формально «старейшим» на Руси. Нарушая и традиции, и договоренности, новгородцы должны были, с одной стороны, иметь веские основания для перемен, с другой — осуществить

задуманную смену власти максимально гладко. Новгородцы уже пытались свергнуть Всеволода с новгородского престола в 1132 г., но тогда эта попытка не удалась.

Решающей причиной для изгнания Всеволода Мстиславича в 1136 г. было усиление черниговского князя Всеволода Ольговича, заключившего в январе этого года выгодный для себя договор с Ярополком киевским. Может быть, новый князь (Святослав Ольгович) пошел на какие-то уступки в соотношении властей княжеской, вечевой и архиепископской в Новгороде. Так или иначе, выгоды «переворота» 1136 г. для новгородцев сказались, видимо, не сразу. Риски, связанные с ним, были велики. Один из них возник сразу после решения веча об изгнании Всеволода — риск столкновения изгнанного князя с новым. Осознавая опасность, новгородцы тщательно подготовили и осуществили смену князей, доверив охрану Всеволода и его семьи епископу, а затем взяв его малолетнего сына заложником. Позднее процедуру смены князей на новгородском столе пришлось еще не раз «обкатывать» и «оттачивать», прежде чем она стала нормой.

Кирик отражал позицию епископа Нифонта — сочувственную вече как главному органу Новгородской земли. Это — показатель изменившегося к 1130-м гг. баланса политических сил в Новгороде: епископ стал более независимым от князя и в то же время встроенным в городское управление, представляя выразителем интересов общины. На мой взгляд, очень вероятной выглядит догадка Б. Д. Грекова, что владыка получил в распоряжение значительный комплекс земель, который ранее предназначался для князя и его людей, а теперь должен был обеспечивать относительную независимость кафедры [Греков 1929: 20]. Впрочем, эта догадка нуждается в обосновании исследованием ряда документов, связанных с отношениями светской и церковной властей в Новгороде и восходящих к периоду святительства Нифонта. В любом случае, летописание, которое стало вестись в канцелярии новгородского владыки, получило отчетливый проновгородский характер — в том смысле, что решения новгородской общины в принципе принимались как легитимные и определяющие политический процесс (при всех возможных расхождениях в симпатиях и антипатиях к тем или иным фигурам и сторонам этого процесса). Легитимация действий новгородского веча в 1136 г., изгнавшего одного князя и по своему усмотрению пригласившего другого, — вот основной смысл работы Кирика, начинавшего владычное летописание с правки текста своего предшественника.

Приложение

Перевод на русский язык первой части статьи 6644 г. с описанием, как новгородцы изгнали князя Всеволода

<p>В лѣто 6644 индикта лѣта 14 новгородци призваша пльсковиче и ладожаны и сдумаша, яко изгонити князя своего Всѣволода, и въсадиша въ епископлъ дворъ съ женою и съ дѣтьми и съ тѣщею мѣсяця мая въ 28. И стражѣ стрежаху день и ночь съ оружиемъ, 30 мужъ на день. И сѣде 2 мѣсяця. И пустиша из города июля въ 15, а Володимира, сына его, прияша.</p> <p>[А се вины его творяху. 1 Не блюдетъ смердь. 2 Чему хотелъ еси сести Переяславлѣ. Зе Ехалъ еси съ пълку переди всѣхъ. А на то много. На початыи велевъ ны, рече, къ Всѣволоду приступити, а паки отступити велить.]</p> <p><i>Не пустиша его, донелѣже инъ князь приде.</i></p>	<p>В 6644 году, четырнадцатом году индикта, новгородцы призвали псковичей и ладожан и решили изгнать своего князя Всеволода. И посадили [его] с женою, детьми и с тещею в епископский двор 28 мая. И стражи охраняли [их] денно и нощно с оружием — 30 человек каждый день. И сидел 2 месяца. И выпустили [его] из города 15 июля, а Владимира, сына его, задержали ---</p> <p>[А говорили о таких его провинностях: 1 «не заботится о смердах», 2 «зачем ты хотел сесть в Переяславле?», 3 «ты ушел с поля битвы прежде всех». А кроме того много [его вины]: «сначала велел нам», как говорилось, «заключить союз с Всеволодом, а потом отступить [от него] велить!»]</p> <p>--- [и] <i>не отпустили его</i>, --- пока не пришел (придет?) другой князь¹¹.</p>
--	---

Библиография

Вилкул 2009

Вилкул Т. Л., *Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв.*, Москва, 2009.

Гимон 2005

Гимон Т. В., Как велась новгородская погодная летопись в XII в.?, *Древнейшие государства Восточной Европы: 2003*, Москва, 2005, 316–352.

Гиппиус 1997

Гиппиус А. А., К истории сложения текста Новгородской первой летописи, *Новгородский исторический сборник*, 6 [16], С.-Петербург, 1997, 3–72.

— 2006

Гиппиус А. А., Новгородская владычная летопись и ее авторы XII–XIV вв. (История и структура текста в лингвистическом освещении), *Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2004–2005*, Москва, 2006, 114–251.

¹¹ Слова «а на то много на початыи велевъ ны рече къ Всѣволоду приступити» допускают и иные варианты перевода — см. выше в статье их обсуждение. Слова «не пустиша его» выделяются курсивом как, возможно, принадлежавшие также к вставке летописца-редактора (Кирика).

— 2015

Гиппиус А. А., Еще раз о новгородской берестяной грамоте № 724, *Slověne*, 2015, 4, 1, 111–127.

Греков 1929

Греков Б. Д., Революция в Новгороде Великом в XII веке, *Ученые записки Института истории РАН ИОН*, 4, Москва, 1929, 13–21.

Грушевский 1905/1992

Грушевський М. С., *Історія України-Руси*, II, Київ, 1992 (репринт 2-го изд.: 1905 г.)

Домбровский 2015

Домбровский Д., *Генеалогія Мстиславичей. Первіе покоління (до початку XIV в.)*, С.-Петербург, 2015.

Конявская 2013

Конявская Е. Л., Нарратив в Новгородской I летописи (первая половина XII в.), *Духовно-нравственные основы памятников письменности: традиции и перспективы (Кусковские чтения – 2013)*, Москва, 2013, 81–88.

Кучкин 1996

Кучкин В. А., Юрий Долгорукий, *Вопросы истории*, 1996, 1, 35–56.

Литвина, Успенский 2013

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., «Не достоинь ея пояти»: почему Новгородский епископ Нифонт не хотел венчать Святослава Ольговича?, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2013, 3(53), 79–80.

Лихачев 1948

Лихачев Д. С., «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г., *Исторические записки*, 25, 1948, 240–265.

Лосева 2001

Лосева О. В., *Русские месяцесловы XI–XIV веков*, Москва, 2001.

Лукашевич 2008

Лукашевич А. А., Евфимия Всехвальная: Гимнография, *Православная энциклопедия*, XVII, Москва, 2008, 466.

Лукин 2014

Лукин П. В., *Новгородское вече*, Москва, 2014.

— 2022

Лукин П. В., *Новгород и Венеция: сравнительно-исторические очерки становления республиканского строя*, С.-Петербург, 2022.

НПЛ 1950

Насонов А. Н., ред. и предисл., *Новгородская первая летопись старшего и младшего извода*, Москва, Ленинград, 1950.

НПЛс 1964

Новгородская харатейная летопись, М. Н. Тихомиров, изд., Москва, 1964.

Пентковский 2001

Пентковский А. М., *Типикон патриарха Алексея Студита в Византии и на Руси*, Москва, 2001.

Петров 2003

Петров А. В., *От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада)*, С.-Петербург, 2003.

Петрухин 2019

Петрухин П. В., Где и когда собирал дань новгородец Савва?, *Slověne*, 2019, 8, 1, 55–108.

Печников 2016

Печников М. В., Новгородская епископия в конце XI – 1-й трети XII в.: Печерские постриженники на Севере Руси и начало эпохи политических преобразований, *Вестник церковной истории*, 2016, 3/4 (43/44), 165–213.

— 2017

Печников М. В., Новгородский святитель Нифонт, княжеская власть и Киевская митрополия (30–50-е гг. XII в.), *Вестник церковной истории*, 2017, 3/4(47/48), 237–278.

ПСРЛ 1

Полное собрание русских летописей, 1: Лаврентьевская летопись, Ленинград, 1926.

— 2

Полное собрание русских летописей, 2: Ипатьевская летопись, С.-Петербург, 1908.

Словарь 2004

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), том VII (поклепанъ – працоуръ), Москва, 2004.

Стефанович в печати

Stefanovich P. S., *The concept of the divine mandate of state power in pre-Mongol Rus'* (in print).

Тихомиров 1955

Тихомиров М. Н., *Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв.*, Москва, 1955.

Толочко 2001

Толочко П. П., «Революция» 1136 г. и княжеская власть в Новгороде, *Норна у источника Судбы: Сборник статей в честь Елены Александровны Мельниковой*, Т. Н. Джаксон, Г. В. Глазыриной, И. Г. Коноваловой, С. Л. Никольского, В. Я. Петрухина, ред., Москва, 2001, 400–406.

Фроянов 1995

Фроянов И. Я., *Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы*, Москва, С.-Петербург, 1995.

Шахматов 1908/2002

Шахматов А. А., Разыскания о древнейших русских летописных сводах, *Idem, История русского летописания*, 1/1, С.-Петербург, 2002 (1-е изд.: 1908 г.).

Янин 2003

Янин В. Л., *Новгородские посадники*, Москва, 2003.

Dimnik 1994

Dimnik M., *The Dynasty of Chernigov 1054–1146*, Toronto, 1994.

References

Dimnik M., *The Dynasty of Chernigov 1054–1146*, Toronto, 1994.

Froianov I. Ia., *Drevniaia Rus'. Opyt issledovaniia istorii sotsial'noi i politicheskoi bor'by*, Moscow, St. Petersburg, 1995.

Dombrovsky D., *Genealogiia Mstislavichei. Pervye pokoleniia (do nachala XIV v.)*, St. Petersburg, 2015.

Gippius A. A., К истории сложения текста Новгородской первой летописи, *Novgorodskii istoricheskii sbornik*, 6 [16], St. Petersburg, 1997, 3–72.

Gippius A. A., Новгородская владычная летопись' i ee avtory XII–XIV vv. (Istoriiia i struktura teksta v lingvisticheskom osveshchenii), *Lingvisticheskoe*

istochnikovedenie i istoriia russkogo iazyka. 2004–2005, Moscow, 2006, 114–251.

Gippius A. A., Once Again on the Novgorod Birchbark Letter No. 724, *Slověne*, 2015, 4, 1, 111–127.

Grekov B. D., Revoliutsiia v Novgorode Velikom v XII veke, *Uchenye zapiski Instituta istorii RANION*, 4, Moscow, 1929, 13–21.

Guimon T. V., Kak velas' novgorodskaiia pogodnaia letopis' v XII v.?, *The Earliest States of Eastern Europe. 2003: Imaginary Realities in Antique and Medieval Texts*, Moscow, 2005, 316–352.

Koniavskaia E. L., Narrativ v Novgorodskoi I letopisi (pervaia polovina XII v.), *Dukhovno-nrav-*

- stvennye osnovy pamiatnikov pis'mennosti: traditsii i perspektivy (Kuskovskie chteniia – 2013)*, Moscow, 2013, 81–88.
- Kuchkin V. A., Iurii Dolgorukii, *Voprosy Istorii*, 1996, 1, 35–56.
- Likhachev D. S., “Sofiiskii vremennik» i novgorodskii politicheskii perevorot 1136 g.,” *Istoricheskie zapiski*, 25, 1948, 240–265.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., «Ne dostoit' eia poiati»: pochemu Novgorodskii episkop Nifont ne khotel venchat' Sviatoslava Ol'govicha?, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 2013, 3(53), 79–80.
- Loseva O. V., *Russkie mesiatseslovy XI–XIV vekov*, Moscow, 2001.
- Lukin P. V., *Novgorod i Venetsiia: sravnitel'no-istoricheskie ocherki stanovleniia respublikanskogo stroia*, St. Petersburg, 2022.
- Lukin P. V., *Novgorodskoe veche*, Moscow, 2014.
- Nasonov A. N., ed., *Novgorodskaiia pervaiia letopis' starshego i mladshhego izvoda*, Moscow, Leningrad, 1950.
- Novgorodskaiia kharateinaia letopis', M. N. Tikhomirov, eds., Moscow, 1964.
- Pechnikov M. V., Novgorodskaiia episkopiia v kontse XI – 1-i treti XII v.: Pecherskie postrizheniki na Severe Rusi i nachalo epokhi politicheskikh preobrazovanii, *Vestnik tserkovnoi istorii*, 2016, 3/4 (43/44), 165–213.
- Pechnikov M. V., Novgorodskii sviatitel' Nifont, kniazheskaia vlast' i Kievskaiia mitropolia (30–50-e gg. XII v.), *Vestnik tserkovnoi istorii*, 2017, 3/4(47/48), 237–278.
- Pentkovsky A. M., *Tipikon patriarkha Alekseia Studita v Vizantii i na Rusi*, Moscow, 2001.
- Petrov A. V., *Ot iazychestva k sviatoi Rusi: Novgorodskie usobitsy: K izucheniiu drevnerusskogo vechevogo uklada*, St. Petersburg, 2003.
- Petrukhin P. V., Where and When did the Novgorodian Savva Gather the Tribute, *Slověne*, 2019, 8, 1, 55–108.
- Tikhomirov M. N., *Krest'ianskie i gorodskie sostaniia na Rusi XI–XIII vv.*, Moscow, 1955.
- Tolochko P. P., «Revoliutsiia» 1136 g. i kniazheskaia vlast' v Novgorode, Norna u istochnika Sud'by: Sbornik statei v chest' Eleny Aleksandrovny Mel'nikovoi, T. N. Dzhakson, G. V. Glazyrina, I. G. Konovalova, S. L. Nikolsky, V. Ya. Petrukhin, eds., Moscow, 2001, 400–406.
- Vilkul T. L., *Liudi i kniaz' v drevnerusskikh letopiakh serediny XI–XIII vv.*, Moscow, 2009.
- Yanin V. L., *Novgorodskie posadniki*, 2nd edition, Moscow, 2003.

Петр Сергеевич Стефанович, доктор исторических наук, профессор РАН
 профессор школы исторических наук
 Национального исследовательского университета
 «Высшая школа экономики»,
 ведущий научный сотрудник
 Института российской истории РАН
 105066, Москва, ул. Старая Басманная 21/4
 Россия / Russia
 petr.stefanovich@mail.ru

Received March 15, 2022